

Константин Бальмонт

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Испанские народные песни

ИСПАНЕЦ – ПЕСНЯ.

От речи мы требуем логики, от песни – полета. Речь есть разумное строительство, песня есть срыв и безумие. Неуместны в речи вскрики, в песне хороши все вопли, когда они музыкальны. Взгляните на Испанца, как на песню, – вам все будет понятно в его нраве и в его фантастической истории. У Испанца одна только логика – логика чувства, у него одно лишь построение – план войны, которая все разрушает, он весь в порыве, в безумьи хотенья. Взглянуть, пожелать, побежать, схватить. Отметить чужое как свое. Завладев, разметать и остаться, как прежде, вольным и нищим. Один лирический взмах.

Испанский язык – самый певучий и красочный из всех Европейских языков. Змеино-вкрадчив и внезапно-мужественен. Женски-лукав и рыцарски-прямо. Сладок как скрипка и флейта, а вдруг в нем бой барабанов. Влюбит – и стрелы пускает отравленные. Поцелует – и острым взмахнет лезвием. Такие есть в Мексике цветы, – к ним нельзя прикоснуться, не обрезавшись и не исколовшись.

В Испанском языке есть вся напевность нежной Итальянской речи, но еще в нем чувствуется жгучий ветер, прилетевший из Африки, дикий порыв Арабской стремительности, мешающий ему стать изнеженным и вечно напоминающий о битвах. В нем есть также дуновения древнейших Иберийских влияний, уводящие нас вовсе от наших дней – к алым зорям и расцветам Атлантиды.

Испанец не похож на Европейца. В нем есть что-то, что делает его совершенно иным. Глаза, которые видят, руки, которые берут, воистину берут. Во всем цельность и непосредственность прикосновения. Он душой осязает, как мы осязаем телом. Словами целует. Плывет в пустынных морях Испанский корабль, видят матросы остров, женские лица на нем, а где же мужчины? Их нет, и Испанец со смехом и детски дивуясь воскликнул: «Mujeres!» «Женщины!» Кажется, что в том, чтоб так воскликнуть? Ничего, и что-то. Ибо вот прошли столетия, а остров этот так и зовется «Женщины», женским остался он островом.

Испанцы на нас не похожи. Мне вспоминается одно из моих путевых впечатлений.

В зимний день, в конце января, я уезжал из Гамбурга в Мексику на большом океанском корабле «Принц Иоахим», общества «Hamburg-Amerika-Linie». Публика была ультра-европейская. Немцы, еще Немцы и еще Немцы. Итальянский авантюрист, Французский коммерсант с острова Кубы, несколько Англичанок с младенцами, воцарившихся на корабле решительно и импозантно, ибо ведь Англия – царица морей, и двое недовольных Русских, из которых один – я. Недовольны же мы были потому, что, в Русской наивности, думали – как сядем на корабль, так и будет там все по-особенному, уж

почти что будем в Мексике. А тут самая низкая Европа. И печально алело закатное солнце нашего Севера, когда корабль отплывал по густо-синему морю, расталкивая плавучие льдины. И вот, через сколько-то круговратностей часов, мы заехали в Испанский портовый город Корунью. И сразу – сказка. Сбросив с себя тюремный костюм, или что то же – шуба, без всяких лишних покрывал мы бродили по нежному цветущему саду, смотрели на белые арумы, на пестрые ромашки, на нежную лазурь ирисов, на иные цветы, золотые и красные. А вечером, когда мы отплыли далее, вся первоклассная международная публика забыла о своих обычных разговорах и, застывши, в молчаньи смотрела и слушала; на палубе, там, где не слишком уютно, огромная толпа Испанских эмигрантов предавалась детскому веселью: покидая свою родину, быть может, навсегда, Испанцы, многие полуоборванные, плясали и пели под аккомпанемент неизбежной гитары. И столько было чего-то беззаветного, безудержного в этих коротеньких, быстро сменявшихся песенках, столько воли было в этих коротких энергических вскриках и метких насмешках, столько красоты было и нежной чувственности в разнообразных движениях многоименного, разноликого Испанского танца, что думать о чем-либо ином, когда пели и плясали Испанцы, было невозможно. Один, уж почти что солидный, молодой Немецкий купец, перегнувшись через перила лесенки, от прогулки первоклассников вниз, долго глядел на молодую Испанку, долго вызывал у нее своею фигурою смех, наконец не вытерпел и крикнул по-испански: «Почему, сеньорита, вы смеетесь надо мной?» – «Потому что сеньор так наклонился, что свалится, пожалуй, в Испанию», ответила она тотчас при общем смехе – и через секунду уже забыла его в движениях своей пляски, а его сердце воистину свалилось в Испанию, как тяжесть с горы, обрадовавшись, что, наконец, нашелся узывчивый стройный уклон, на который вступив, непременно покатишься вниз.

Испанцы все свои ощущения связывают с песней, как радостные, так и темноцветные. Любят – поют, ненавидят – поют, тоскуют – напевом, целуют – созвучьем. Как говорится в одной Испанской песне:

У меня покорно сердце,
Исполняет все веленья:
«Плачь», скажу – и сердце плачет,
«Пой», скажу – оно поет.

Об этой общей Испанцам склонности претворять свои ощущения во внезапно рождающуюся песню хорошо говорит в одной из своих книг собиратель Испанских народных песен, Франсиско Родригес Марин: «В Испании, прежде всего в области Андалузской, где, как в Сицилии, *tutto parla di poesia*, поистине изумительна поэтическая плодовитость народа, так же как необычайная его легкость в творчестве. Города и деревни есть, где молодежь обоюга пола в веселых ночных собраниях, зимою освещенных классической свечой, а летом серебряной луной, влюбляется, ссорится, бранится, взаимно насмехается, в непрерывной перестрелке четырехстрочных песенок. Вряд ли встретится какая-нибудь мысль, для выражения которой они не нашли бы подходящей песни. Если не знают, импровизируют; если импровизация неудачна, она теряется так же быстро, как смолкает голос, который ее пропел; если же она хороша, если вполне отвечает особому состоянию души, если в песне замкнута оригинальная мысль, заслуживающая труда быть сохраненной, новой песенке выпадает счастливая судьба: на следующий день ее повторяют все в деревне, а десять лет спустя поет ее весь полуостров, и полувеком позднее она находит соответствия в народных литературах почти всех стран».

В объемистой пятитомной коллекции Франсиско Родригес Марин собрал всю эту сокровищницу Испанского поэтического творчества: «*Cantos Populares Espanoles, recogidos, ordenados e ilustrados por Francisco Rodriguez Marin. 5 tomos. Sevilla. 1882*». По полноте своей это собрание может быть сравнено с такими собраниями Русских народных песен, какие дали нам Шейн и профессор Соболевский, но собрание Марина, как

приобретение в области народознания, имеет еще и ту ценность, что в нем огромное множество изъяснительных замечаний и параллелей из Португальского фольклора, Сицилийского и обще-Итальянского. Песни, собранные Марином, обнимают полноту тем и настроений. Колыбельные песни, детские игры, загадки, бранности, заклинания, заговоры, влюбленность, признания, нежность, ревность, серенада, ненависть, презрение, примирение, любовные советы, пляски, исторические песни, местные и прочее и прочее. Из всего этого разнообразия я беру один основной момент – любовь – с его естественным дополнением – ненавистью. Любовь и ненависть по природе своей однородны, но только ненависть есть обратный лик любви. Одно есть от Бога, другое от Дьявола, одно есть прямое, другое – опрокинутое.

Вспоминаю то, что я говорил когда-то об Испанских народных песнях, печатая впервые небольшое их собрание в своей книге «Горные Вершины».

Немногословные и яркие Испанские песни, созданные безымянными поэтами из народа, можно было бы назвать «Цветами Влюбленных». Они так же исполнены любовью, как воздух весны – ароматом расцветших растений.

Испанская манера выражать любовь резко отличается от манеры, свойственной нам, Северянам. В северных странах очертания предметов окутаны дымкой. В странах, озаренных жгучим солнцем, очертания предметов предстают отчетливо, со всеми их крупными и мелкими подробностями. Эта истина повторяется и в мире природы и в жизни души. Норвежские горы и фьорды, Русские леса и равнины так же туманны и загадочны, как души их обитателей, печальные души, полные пропастей и всегда недосказанных слов, всегда недовершенных сновидений. Воздушные окрестности Неаполя, залитая солнцем природа Андалузии отчетливы и ясны в своей красоте, – они полны тех же определенных эффектов светотени, которые восхищают нас в быстрых переходах от гнева к нежности и от ласки к ревности, составляющих неизбежную черту полудиких красивых Южан.

Когда Северянин влюблен, он просто чувствует красоту любимой женщины, он получает общее впечатление ее очарования. Если он на чем-нибудь остановит детальное внимание, это, конечно, будут глаза, вечно глаза, только глаза, потому что души через взгляды легче всего соприкасаются одна с другой. Но Южанин видит все лицо, и для каждой отдельной части его он находит чарующий образ. Он видит, что губы напоминают гвоздику, любимый цветок Испанцев, что рот напоминает закрывшиеся лепестки, что зубы – как жемчуг в темнице из кораллов, и он описывает подробно все лицо, поэтизируя каждую подробность. Он говорит о глазах. Но вы думаете, что глаза – не более как глаза? Какая ошибка! Глаза состоят из зрачка, всегда переменчивого, из белка с синими жилками, напоминающими облачное небо, из острых, как иглы, ресниц, черных, как ночь, из бровей, похожих на луну в новолуние. Что для Северянина одновременно – начало и конец, то для Южанина превращается в длинную цепь отдельных звеньев: он разъединяет начало и конец, заполняя промежуточное пространство цельными в своей частичности впечатлениями.

Безымянные певцы из среды Испанского народа сходятся в этом отношении с лучшими образцами любовной лирики.

Взгляните, как Индийские поэты описывают тип совершенной женщины, чье имя Падмини, женщина – лотос (Kâmasûtram). Она прекрасна, как нераскрывшийся лотос, как наслаждение. У нее стройный стан и поступь лебедя. Ее голос как пение птицы, манящей другую, ее слова – как сладостная сома. От нее исходит дыхание мускуса, и за нею летит золотая пчела, кружась над ней, как над цветком, таящим нежный запах меда. Ее длинные шелковистые волосы волнисты; они благоуханны сами по себе, и лицо ее окружено ими, как лунный диск в полнолуние. Ее глаза, чей разрез прекрасен, блестящи, нежны и пугливы, как глаза газели; черные, как ночь, их зрачки горят в глубине орбит, как звезды в мрачном небе; их длинные ресницы дают взгляду силу притягательную. Ее чувственные губы розовы, как венчик нерасцветшего цветка, или красны, как красные плоды. Ее белые

зубы как аравийский жемчуг; улыбнется – и они как жемчужные четки в оправе из коралла. Изыщная, как воздушный лепесток, она любит белые одежды, белые цветы, красивые драгоценности и богатые наряды.

Совершенно так же и в «Песни Песней» мы видим, как великий царственный поэт, плененный смуглою дочерью пустыни, воссоздает перед нами, в частичных гимнах, образ своей возлюбленной, чьи поцелуи слаще мирры и вина. И Шелли, в поэме «Эпипсихидион», отдается тому же побуждению, когда, описывая идеальную Эмилию Вивиани, он нагромождает один образ на другой. И Эдгар По в своей гениальной фантазии «Лигейя», рисуя сказочную женщину, создает поэму женского лица.

Мы имеем здесь дело с той способностью человеческой души, которую я назову *радостью многогранности*, и – как ни страшно научное слово – назову еще *услადю классификации*. Эта способность проявляется у людей влюбленных, у людей, страстно любящих что-нибудь, побуждаемых этой исключительной любовью к непрерывному созерцанию любимого, а отсюда к открытию в том, что любишь, вечно новых и новых оттенков. Эта способность составляет неотъемлемую черту целых народов, которые по страстности своей всегда находятся в космической влюбленности. Мы, Северяне, мы, белоликие, бледные, смотря на родную природу, куда как односложны в наименованиях. Видим иву, скажем – плакучая ива, ветвистая ива, и снова – плакучая ива. Лесную красавицу нашу, березу, называем белой березой, кудрявой, скажем иногда – тонкоствольная береза, сравним иногда березу с молодой девушкой. Дальше не пойдем. Вырвется у нас, в счастливую минуту, пять-шесть определений, и затем Северная мысль вступает в круг повторностей. Возьмите Индусскую фантазию, Индусскую восприимчивость, и вы увидите нечто совершенно иное. Каждому растению Индус, кроме основного названия, дает еще целый ряд других. (См., например, Hector Dufrené. La Flore Sanscrite. Paris. 1887.) Бамбук для Индуса не только бамбук, но еще – жадный до воды; – узлистый; – стеблеподобный; – древо для лука; – на крайних ветвях плодоносный; – семя смерти; – цепко за землю схватившийся; – чей плод похож на ячмень; – звучащий; – зародыш огня; – множество; – великая трава; – благополучие дающий; – добрый узел; – возлюбленный царями; – враг врага. И в то время, как мы о водной лилии говорим лишь, что она белая да чистая, Индус говорит о священном лотосе: друг черной пчелы; – черный корень; – радость земная; – водный камыш; – луна; – из вод растущий; – воду покрывающий; – рождающийся в воде; – из влаги исшедший; – водой порожденный; – прудовой; – вода; – влага; – подобный оку; – столистный; – тысячелистный; – обиталище весны; – пребывание Лакшми (богини красоты); – солнечный дар; – красотой возлюбленный; – лучезарный; – богатство; – округлый лист; – богатый лист; – лист огня.

Подобно этому, Испанская мысль, прикасаясь к чему-нибудь, открывает все новые и новые стороны предмета, параллелизирует и без конца тешится сравнениями, наряжает избранный предмет то в один образ, то в другой. Как рождается любовь?

Любовь родится в зреньи,
Растет из обращенья,
Ее питает ревность,
И смерть ей – в оскорбленьи.
Когда ж она умрет,
Тут новая любовь
Зарыть ее несет.

Вечность круговорота. Из любви умершей рождается новая любовь, как из пожелтевшего осенью листка, через паденье его на землю, возникает новый изумрудный побег, и в новом весеннем ветерке будут без конца качаться свежие зеленые листки и стебельки, играя переливами и уводя мысль в мечту.

Если любовь питается ревностью – и чем не питается она? – конечно, она должна гореть неугасимо, ибо здесь мы касаемся бездонности.

В колодец ревности
Спустился я испить,
Испил там ревности,
Мне с жаждой вечно быть.

И если влюбленная мечта поет, что, когда любовь умирает, гробовщиком ей служит новая любовь, та же мечта, капризно себе противореча, говорит, что, в конце концов, любовь и вовсе не может умереть, пришла – так уж так и останется, ничем ее не выгонишь.

Тоска убивает тоску,
Печаль убивает печаль,
Гвоздь выбивает гвоздь,
Любовь не выбьет любовь.

Любовь в сущности ничего о себе не знает, она лишь познает себя, непрерывно, вспышками, вечно играет сама с собою в прятки, теряет себя и находит. В отделе «Испанских народных песен», носящем название – «Teoría y consejos amorosos», «Теория и советы любовные», есть определительное в этом смысле четверостишие.

Любовь ребенком изображают,
Глаза повязкою покрыты,
Вот почему всегда влюбленный
Живет в потемках и в слепоте.

Без конца ощупывая в слепоте самое себя, любовь дает себе многообразные определения.

Любовь есть ребенок: когда родится, ей малога довольно, а потом давай все больше и больше. Любовь есть червь: войдет через глаза, дойдет до сердца и смертные причиняет муки. Любовь – зловерный червь: укусит – не найдешь в аптеке лекарства. Любовь – червоточина: овладевает человеком распространяясь. Любовь – моль: кормится тем, из чего рождается, и всегда грызет то, что ее породило. Любовь – паук: родившись, питается собственным ядом, а мы, полюбив, живем умирая. Любовь – осторожный паук: забравшись в тайный уголок души, она раскидывает свои паутинки так незаметно, что и самый мудрый не сумеет обрезать нить. Любовь – рыба: много острых костей выпадает на долю влюбленных. Любовь – гора: очень высокая, и трудно взойти на вершину, а раз наверху, ежеминутно можно сорваться. Любовь – тропинка заводящая: кто по ней идет наиболее прямо, тот наиболее теряется. Любовь – веселый луг: войдешь – изумлен развлечением. Любовь – поле: сохнет от зноя, а брызнут капли – цветет. Любовь – огонь неугасимый: чем больше горит, себя сжигая, тем ярче горит. Любовь – огонь и вместе дым; огонь, если пламени в двух сердцах горят, и черный дым, если одно лишь сердце чувствует пытку. Любовь – пламя непонятное: дыма не видно, а пожар весь в заревах. Любовь – одних освежает, другие – в ней тонут. Любовь – мед, и любовь – желчь. Любовь – книга: прочтешь первые листы – в страхе и ужасе, а дойдешь до середины, и забота пропала. Любовь – колесо вечно вращающееся: одних поднимает, других опускает, бойтесь, многих заставило вниз покатиться. Любовь – табак: никто куренье не бросит, а многим хотелось бы, и тот, кто на время бросает, курит с наибольшею страстью. Любовь – азартная игра: сколько обыгранных. Любовь – школа разочарований: здесь и самые мудрые поучаются, но, сколько бы ни поучались, неисправимые слепцы, всегда забывают

науку. Любовь – воображаемые монеты: никто их не видит, а торговля идет своим порядком. Любовь – торговля, основанная на банкротстве: кто выигрывает, тот теряет, и, в конце концов, если есть какой-нибудь барыш, его уносит Дьявол. Любовь – ремесло без выучки: знает его и старый и малый, в мастерских этого ремесла наилучшие учителя – женщины. Любовь – комедия, и так как нет хорошей комедии без репетиций, первая любовь требует второй, а затем – число увлекает. Любовь – луна: от новолуния – до новолуния, ущерб – и снова. Любовь – величайшая эпидемия, какая существовала в мире; кто ее не знал. И наконец –

Любовь есть тяжба,
Судись, коль хочешь, –
При пересмотре
Ее теряешь.

А если потерял, струна сейчас же запоем –

Сердце без любви –
Растение без плода,
Несчастный, что не любит,
Зачем живет он в мире?

Испанские народные песни, будут ли это трехстрочные *soleares*, или четырехстрочные *coplas*, или семистрочные *seguidillas*, – три обычных ритма Испанского поэтического творчества, – всегда воздушны, тонки по настроениям и зеркальны в своей озаренности. В одной сэгидилье ревнующая девушка говорит своему милому:

– На луну я взглянула,
И увидела в ней,
Что влюблен ты в другую
И тешишься с ней.
– Кто тебе рассказал это?
– Мне никто не сказал это,
Там в луне, я увидела в ней.

Любящая душа связана со всем миром, отовсюду воспринимает тайные влияния и делается воздушно-проникновенной. Это зеркально-лунное ясновидение Испанской девушки значителен для всего народного творчества Испании, и оно напоминает в то же время прелестную Монгольскую песню «Зеркало», которой я закончу эти строки.

Я коня вороного тебе оседлала,
Отточила твой нож, заострила копье.
Если нужно, так в путь, встретить змеиное жало,
Но в бою не забудь ту, чье сердце – твое.
Как в том зеркальце малом, в том зеркальце чудном,
Что мне с ярмарки раз ты из Кяхты привез,
Обещай мне, что буду в пути многотрудном
Отражаться в душе твоей, в зеркале грез.
Прежде чем ты уедешь, мне дай обещанье
Каждый вечер смотреть, в третий час, на луну,
В этот час, как ее так зеркально сиянье,
Ты гляди в серебро, ты гляди в глубину.
Прежде чем ты уедешь, тебе обещанье

Также дам, что смотреть, в третий час, на луну
Каждый вечер я буду, завидев сиянье,
В тот серебряный круг, в ту ее глубину.
Каждый вечер твои буду чувствовать очи,
Каждый вечер глаза будешь чують мои,
И взаправду луна, в приближении ночи,
Будет зеркалом нам, в серебре, в забытьи.
Каждый вечер увижу коня вороного,
И тебя в том краю, где играет война,
Каждый вечер увидишь ты снова и снова,
Как тебя я люблю, как тебе я верна.

К. Бальмонт.

*Париж, Пасси, 60, улица Башни.
1908. Июнь. 3–4.*

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

1

Мать, что тебя породила,
Ранняя роза была,
Она лепесток обронила,
Когда тебя родила.

2

С головы до ног
Ты один цветок.
О, счастлива мать,
Чья такая дочь.

3

Когда ты проходишь по улице,
Говоря с своими друзьями,
Ты как будто король надо всеми.
И нежен зеркальный мой лик.

4

Приходит Март с цветами,
И с розами Апрель,
И Май, он весь в гвоздиках,
Чтоб увенчать тебя.

5

Чуть вошел в твою улицу,
Королевой зову тебя,
Приношу, чтоб венчать тебя,
Ветви пальмы и лилии.

6

Сбрось, молю, мантилью эту,
Дай мне волосы увидеть:
Для того, чтоб видеть образ,
Ткань с него отодвигают.

7

Волна твоих волос
Есть цепь для многих душ;
Когда распустишь их,
Ты вяжешь цепь тесней.

8

Кудри украла
Светлянка у солнца,
У меня же украла
Сердце и жизнь.

9

Белок твоих глаз
С лазурными жилками –
Как будто бы небо
В тот день, когда облачно.

10

Эти синие глазенки
Ты украла у небес,
Небу дашь отчет за козни
Этих хитрых двух повес.

11

Твои глаза – лазурные,
Глаза благословенные,
Мои глядят и молятся,
И просят милосердия.

12

Твои глаза – два зеркала,
Я в них смотрюсь. Пстой.
Не закрывай их, жизнь моя.
Не закрывай. Открой.

13

Глаза моей смуглянки –
Как горести мои:
Большие, как печали,
И черные, как думы.

14

Брови твои – как две новых луны,
Очи – две утренних ярких звезды,
Светят и ночью, и днем,
Светлей, чем на небе родном.

15

Звезд на небе, звезд на небе –
Тысяча и семь,
А твои считая очи –
Тысяча и девять.

16

Гаснет, гаснет луна.
– Пусть ее погасает:
Луна, что меня освещает,
Здесь у окна.

17

Твои глаза – разбойники,
Воруют, убивают,
Ресницы – горы темные,
Разбойников скрывают.

18

Зачем вы, черные глаза,
Зачем на исповедь нейдете?
Вы столько крадете сердец,
И столько каждый миг убьете.

19

Твои ресницы, крошка,
Пригоршни острых игол:
Чуть только ты посмотришь,
И душу мне пронзишь.

20

Ресницы глаз твоих
Черны, как мавританки,
Среди ресниц твоих
Мерцают две звезды.

21

Твой нежный рот – тюрьма,
Темница без ключей,
В нем узники – жемчужины,
В нем из кораллов дверь.

22

Твой нежный рот такого
Исполнен чарованья,
Что мой схватиться хочет
С ним в битве поцелуев.

23

Твой рот, моя малютка,
Закрывшийся цветок,
О, если б поцелуем
Его раскрыть я мог.

24

Губы твои –
Две гвоздики,
Дай им напиться, –
Засохли.

25

Веселая пташка
Твой клюнула рот,
Подумала – роза
Так ярко цветет.

26

Когда ты смеешься,
Румяные губы,
По блеску и краске,
Как яркий рубин.

27

Твои губы – две гардины,
Ярко-красная тафта,
Меж гардиной и гардиной
Ожидаю «да».

28

Красная, красивая гвоздика,
Сорванная с каплями росы,
Эти раскрасневшиеся губы
Не твои, теперь они мои.

29

Зубы твои, волшебница,
Цепи из кости слоновой,
Сердце мое оковано,
Сердце с душой в плену.

30

Снег по лицу твоему
Нежно прошел, сказав:
– Там, где не нужен я,
Что же и делать мне?

31

Из снега и пурпура
Щеки твои,
И снег этот светится,
Пурпур горит.

32

В лице твоём лучшее все,
Что в небе и здесь на земле:
На щеках твоих розы цветут,
А в глазах твоих звезды горят.

33

Не цветут зимой гвоздики,
Сушит их мороз жестокий,
На твоём лице гвоздикам
Бог весь год цвести позволил.

34

Лицо твоё сравню я,
О, светлая любимка,
С январскою луною
И с августовским солнцем.

35

С луною январской
Тебя я сравнил.
Светлей она, ярче
Всех прочих в году.

36

Создав тебя, Бог восхотел
Отметить печатью тебя,
И родинку он положил
На нежную щеку твою.

37

Как вода переливается
Под лавровым под кустом,
Красота переливается
На лице твоём.

38

Белизной твоей шеи
Ты пленила меня,
Привяжи волосами,
Так и выкуп придет.

39

Светлячка, солнце солнц,
Лицо твое – ковчег,
А грудь твоя есть путь
В страну эдемских нег.

40

Твои руки – царственные пальмы,
Твои пальцы – десять белых лилий,
Твои губы – нежные кораллы,
Твои зубы – тонкий светлый жемчуг.

41

Какие пальцы для колец!
Какая грудь для алмаза!
Какие уши для блесков!
И вся для влюбленного глаза!

42

Какие руки для перчаток!
Какие пальцы для перстней!
Какая шея для ожерелья!
И рот, и рот, чтоб целовать!

43

Ты стройна, тонка,
Что камыш речной,
Вся ты лик цветка
Над волной.

44

Из Веракрус в Испанию
Три вышли корабля,
И все-то с поясочками
Для талии твоей.

45

Ты гвоздика Апреля
И ты Майская роза,
Лунный лик ты Январский,
И я в чаре твоей.

46

Ты мускатная роза,
Ты душистая роза,
И ты белый жасмин
Средь Апрельских долин.

47

Ты более желанна,
Чем утренняя свежесть,
Ты более красива,
Чем розы ранний цвет.

48

Ты лучшая гвоздика,
Расцветность молодая,
Расцветшая с росой
Начавшегося Мая.

49

Ты пальма роскошная,
Ты красивейший лавр,
Ты белая лилия,
Ты гвоздика гвоздик.

50

Ты пальма роскошная,
Ты на небо идешь,
Чтобы жить и звездиться там,
Между звезд серафим.

51

Ты светлей, чем солнце светлое,
Ты белей, чем белый снег,
Роза ты Александрийская,
Что в расцвете круглый год.

52

Ты как вервена
На зеленом лугу,
Ты словно сладость,
Что тает во рту.

53

Ты чеканное золото,
Ты печать серебра,
Колесница победная
И сирена морей.

54

Звездочки небесные
Жалуются Богу,
Для чего не создал их
С красотой твоей.

55

Одна звезда потерялась,
Нет ее более в небе,
Она в твоей комнате светит,
Твое лицо освещает.

56

Этой легкою ногою,
Этой поступью воздушной,
Столько ты людей убила,
Как песку на дне морском.

57

Я думал, что луна
Явилась на балконе,
Я думал, что луна
Была луна и солнце.

58

Я родился белый,
А теперь я смуглый,
Обожаю солнце,
Жжет оно меня.

59

Луна остановилась
В стремлении своем,
Тебя в восторге видя
Волшебницей такой.

60

Солнце затменьем объято,
Солнце любовью объято.
Если влюбилось солнце,
Что ж это будет с людьми?

НЕЖНОСТИ

1

Пой ты песнь, и буду петь я,
Птичка на зеленой ветке,
Пой ты песнь, и буду петь я,
Всякий пой, кто любит.

2

Птичка, пролетая,
Держит в клюве надпись,
Буквы золотые:

«Пленница любви».

3

Из птиц, что летают,
Мне нравится ворон:
Любовь моей жизни
Одета вся в черном.

4

Тебе я дал вчерашней ночью
В окошко пять гвоздик,
Пять чувств то были, о, малютка,
Что отдал я тебе.

5

Если б тысячу жизней имел я,
Я тебе бы их отдал все вместе,
Лишь одну я имею, – возьми,
Но возьми ее тысячу раз.

6

Этот кинжал золоченый
Возьми и пронзи мое сердце;
И цвет моей крови расскажет,
Люблю ли тебя.

7

Ты для меня мой отдых,
Ты для меня уголенье,
Гвоздика, чье нежно дыханье,
И все мои, все владенья.

8

Я утес обрывной,
Я суровый камень,
Я для всех, как бронза,
Для тебя, как воск.

9

Ты округлая радуга
Над моими печальями,
Ею нежно врачуются
Все мои огорчения.

10

На дворе своем
Ела девушка,
Я ей знаками –
Дай немножечко.
Мне ответила –
Приходи, поешь
Сердца этого.

11

Будь море – чернила,
Будь небо – бумага,
Написать я не мог бы,
Как тебя я люблю.

12

В перламутровой раковине
Я тебя нарисую,
Чтоб была ты со мною,
Чтоб тебя не искал я.

13

Хоть бы ты вошла на небо,
Хоть была бы рядом с Богом,
Так святые не полюбят,
Как тебя люблю я.

14

За обедней взглянула
На меня ты с улыбкой.
Как лицо повернула,
Показалась мне солнцем.

15

О, крылатый, как птицы,
Ты, мой милый, мой милый,
Мне мешают ресницы
На тебя наглядеться.

16

Я хотел бы быть с тобою
Каждый месяц тридцать дней,
И еще семь дней в неделю,
Каждую минуту раз.

17

Сердце мое в тот день,
Когда я с тобою не вижу,
Словно печальная птичка,
Что с ветки на ветку летит.

18

Я хотел бы, чтобы дом твой
Был из хрусталя,
Говорить с тобой нельзя мне,
Видел бы тебя.

19

Та, кого люблю я сердцем,
Точно белая гвоздика,
Что раскрылась поутру.

20

Ты моей души мученье,
Ты моей тоски начало,
Вот тебя я и люблю.

21

Я люблю любовью нежной,
Что нежней, чем слитный дух
Роз, гвоздики и жасмина.

22

Подожди, еще останься,
Каждый раз, как ты уходишь,
Это жизнь уходит прочь.

23

Если мои воздыханья
До подушки твоей дойдут,
Ты уж к ним будь милосердна,
Дай им приют.

24

Между мной и луной – жемчуга,
Между мною и солнцем – жасмин,
Между мною и миленьким – цепи,
Цепь любви, чтобы он не забыл.

25

Обожаю невозможность,
В чем есть свойство тех, в ком тонкость,
А возможности желанны
Только тем, кто глуп.

26

Сегодняшней ночью мне снилось, –
О, если б мне сон не солгал! –
Завязан передник твой лентой,
Я ленту твою развязал.

27

Как солнечный луч я хотел бы
В окошко твое заблестеть,
Чулки, башмачонки и юбку
Помог бы тебе я надеть.

28

Когда б под ключом я
С тобой очутился,
И слесарь бы умер,
И ключ бы сломился!

29

Лестница поставлена,
Хочешь, я взойду,
Наслаждаться блесками
Красоты твоей?

30

Когда же захочет Создатель,
Чтоб вспыхнуло пламя зари:
– Ты любишь меня? – Обожаю.
– И ты мне позволишь? – Бери.

РЕВНОСТЬ

1

В колодец ревности
Спустился я испить;
Испил там ревности,
Мне с жаждой вечно быть.

2

Меня зовут – ревнивый.
О, боль! Но как же быть?
Работник я, и дом свой
Желаю сохранить.

3

Раз люблю тебя, ревную.
Без любви, где взял бы ревность?
Раз тебя я не любил бы,
Хоть бы Дьявол взял тебя.

4

Цветник из роз,
Его храню я,
Шипы в нем есть,

Их не довольно.
И стерегу,
И берегу,
Так стерегу, что глазу больно.

5

Мой друг вопрошал меня:
Что есть ревность? Скажи мне.
Он не знает, – как счастлив он
В том незнании своем.

6

Сегодня ночью
Ты так ревнива,
Что словно роза,
Кругом в шипах.

7

Да, твоя любовь как ветер,
А моя любовь как камень,
Что недвижим навсегда.

8

Ты себя со мной сравнила.
Ты из всех металлов слиток.
Я – беспримесный металл.

9

О, безумна, ты безумна,
Ты как колокол, в который
Каждый может позвонить.

10

От тоски я умираю, –
Ты живешь еще на свете,
Ты, умерший для меня.

11

Как хрусталь – влечение сердца,
Как бокал – любовь людская,
Чуть толкнешь его неловко,
Разобьется на куски.
И уж так всегда бывает:
Чем нежнее, тем скорее
Разобьется навсегда.

12

Ревность – как волны:
Думаешь – горы,
Смотришь – как пена,
Вот уже нет.
С ветром приходят
Ревность и волны,
С ветром уйдут.

13

Дай мне печали,
Дай мне тревоги,
Все, что ты хочешь,
Только не ревность.

14

Огонь нещадный,
Пожар, в котором
Горю, ревнуя,
И умираю.
Убить хочу я:
Погибнуть легче
В одном пожаре.

15

Я умираю,
Уж я покойник,
Так жалит ревность,
Так отравляет.
Кто с ней не хочет
Жить неразлучно,
Вмиг убивает.

16

Если бы знал я, по каким ты
Здесь камням проходишь,
Я бы их перевернул,
Да никто не ступит.

17

Мой муж – мой муж,
Он муж ничей,
Кто хочет мужа,
Воюй, бери.

18

Очи моей смуглянки,
Святая Люсия, храни их.
Если ж не мне они светят,
Вороны, выключите их.

19

Мой милый так непостоянен,
Нейдет, нейдет, а я все жду.
Что, если тешится теперь он
Цветами, но в другом саду!

20

Уж слышен звон о душах,
А милый мой нейдет.
Что, ежели другая
С ним счет часов ведет!

21

– На луну я взглянула
И увидела в ней,
Что влюблен ты в другую
И тешишься с ней.
– Кто тебе рассказал это?
– Мне никто не сказал это,
Там в луне, я увидела в ней.

22

Тем же веером, которым

На себя ты веешь ветром,
Ты тому, кого ты знаешь,
Посылаешь тайно знаки.
Тот же веер и движенье,
Для тебя в нем освеженье,
Для меня пожар.

23

Я птичкой ручною
К руке твоей льну,
А ты улетаешь
С другим.

24

Скорее мертвой
Тебя хотел бы,
Чем близ другого
Я увидеть.
Скорей в могиле!
Ты не была бы,
Но не была бы тогда чужой.

25

В саду моей царицы
Садовником был я.
Когда ж раскрылись розы,
Пришел их рвать другой.

26

Иди в недобрый час,
Устал тебя любить,
На башне ты фонарь,
Ты светишься для всех.

27

Если любишь лишь меня,
Буду твердой я стеной,
Если люб тебе другой,
Скроюсь молниею я.

28

У тебя любовь с другой,
И любви со мною хочешь,
Хочешь ты делить любовь,
Не хочу любви раздельной.

29

Я не люблю сердец,
Где трещина видна.
Когда даю свое,
Даю его сполна.

30

Если б я родился василиском,
Я тебя бы взором умертвил,
Чтоб тебя совсем отнять у мира,
Чтоб тебя никто в нем не любил.

ПРИЗНАНИЯ

1

Как жемчужины – признанья,
Чуть жемчужина сорвется,
За одной – другая, третья,
Ожерелье распадется.

2

Если здесь ты чужестранка
И любви искать приходишь,
Жизнь моя, вот я, слепец твой,
От твоих двух солнц ослепший.

3

Если я и чужестранка,
Не любви искать пришла я,
Ибо я в земле родимой
Ветвь оставила с цветами.

4

Где есть радость, там счастья мера,
И мне нравится тот кабальеро,
Потому что он в траур одет,
А мне радостен черный цвет.

5

Дама в черном покрове,
Кто умер, в чем скорбь твоя?
Если отец – сокрушайся,
Если милый, так вот здесь я.

6

На высокое небо взошел я,
Чтобы имя узнать красоты,
И один серафим мне поведал,
Что зовешься Долорес ты.

7

«Пресвятая Мария!» взывает
Погибающий в море моряк.
На земле я, но кличу: «Мария,
О, Мария, даруй мне знак».

8

Ай, как высок тот балкон!
Ай, тот балкон золоченый!
Ай, что за нежная там!
Ай, кто ж у милой влюбленный!

9

Более не веселят
Ни розы меня, ни жасмины,
Веселит лишь твое лицо,
Скажи, где живешь ты, малютка?

10

Скажи, где живешь ты, малютка,
Хочу я тебя узнать,

И если дружка не имеешь,
Приду на тебя притязать.

11

Ты малая роза в бутоне,
Своего не раскрыла огня.
Если еще ты не любишь,
Полюби для начала меня.

12

Яблочек нежно-цветистый,
Тебя я нашел на земле.
Если еще ты не любишь,
Влюбившись, предайся мне.

13

Чуть засну, во сне мне снишься,
Чуть проснусь, и в мыслях ты.
Расскажи-ка мне, подружка,
Так же ль точно и с тобой?

14

Только ты взглянешь,
И только взгляну я,
Говорю я глазами
То, о чем я молчу.
Так как не вижу
В тебе я ответа, –
Гляжу и молчу.

15

Глазами гляжу на тебя,
И ртом я с тобой говорю,
И глазами тебе говорю я
То, о чем мои губы молчат.

16

Обожаю солнце,
Почитаю образ,
Чувствую: люблю я,

А она не знает!

17

Хоть и знает сердце,
Что тебя так любит,
Но скрывать умеет,
Чтоб не оскорбить.

18

Больше глаза мои любят тебя,
В скрытности прячась своей,
Нежели те, что кричат тебе громко,
Нежели те, что шумят.

19

Много имею сказать тебе, много,
Но говорю это только молчанью,
Много тебе говорю умолчаньем,
Если в тебе только есть разуменье.

20

Только могу говорить тебе
Полуслова.
То, что язык начинает,
Довершает душа.
Ибо так уж выходит,
Что любовь есть очень ребенок,
И не может она говорить.

21

Сердце мое загорелось,
Дыма же нет.
Это вот значит – сгорать
Без очевидных примет.

22

И твои глаза и мои
Друг на друга глядят, говорят,
Но сердца бессловесны,
Нет меж них объясненья.

Я, однако, тебе сообщаю,
Если нет от тебя изъяснения,
Не понимаю тебя.

23

Тебя хочу я и не хочу я, –
Тут разнородность:
Тебя хочу я и не хочу я,
Чтоб это знал ты.

24

Я хотел бы на минутку
Быть твоей сережкой светлой,
На ушко тебе сказал бы
То, что в сердце у меня.

25

Чуть увидел тебя, – полюбил,
Как тебя полюбил, – умираю,
Умирая тобой, чрез тебя,
Я счастливым себя почитаю.

26

С тех пор, как увидел тебя, – полюбил,
Мне жаль, что случилось это так поздно,
Затем что хотел бы я, счастье мое,
Тебя обожать от минуты рожденья.

27

Прежде чем тебя узнал,
Я тебя уже любил,
Потому что возвещала
Мне о том моя звезда.
Да, звезда моя такая,
Что мне счастье возвещает,
Не узнав еще его.

28

Только я, светловолоска,
Лик Пресветлый твой увидел,

Книзу пали, долу пали
Крылья сердца моего.

29

Закон, что, кто тебя увидит,
Тебя тот должен обожать.
Тебя я видел, и не стану
Я на законы посягать.
А то вполне я заслужил бы
Изгнания от твоих очей,
Как исто-справедливой кары.

30

Студентом я быть собирался.
Твою красоту увидал я,
Чернила, перо и бумагу
Из самого Ада тут взял я.

31

Все звезды, все светы ночные
Покорствуют лику дневному,
У ног я твоих и покорный,
Смуглянка моей души.

32

Мария, Мария, цветок красоты,
Тобою я болен, тобой умираю.
Имеешь целебное ты врачеванье,
Больному здоровье верни.

33

Говорят, голубое есть ревность,
И что алое есть веселость,
А зеленое есть надежда,
На тебя, жизнь моя, уповаю.

34

Дай мне руку, голубка,
Чтоб взойти в голубятню;
Мне сказали, одна ты, —

Вот в компанию я.

35

Видит Бог, тебе я б отдал
За лицо твое, смуглянка,
Своего лица глаза,
Хоть бы я слепой остался.

36

Высокий и маленький
Под моими окнами ходят:
Высокий покажется,
Словно солнце всходит,
А маленький выйдет,
Как будто луна
Январская светит.

37

Купидончик, напрасно
Ты не траться на шулки:
Коль теперь не люблю я,
Я ведь знала любовь.
Ты не траться напрасно:
Коль теперь не люблю я,
Я надеюсь, надеюсь.

38

Один я на свете, одна ты на свете,
Один и одна – это два.
Должны бы в одно эти два сочетаться,
Когда б того Бог пожелал!

39

Так же кратко *да*, как *нет*,
Одинаковы размеры.
Скажешь *да* – и жизнь даешь,
Скажешь *нет* – и смерть мне в этом.

40

Столько ж букв имеет *si*,

Сколько букв имеет *по*.
Скажешь *si* – даешь мне жизнь,
Скажешь *no* – мне смерть.

41

Я зовусь – *коль будет случай*,
Брат родной – *коли придется*,
Я племянник – *если можно*,
Внук – *ну да, а впрочем, нет*.

42

Чтоб взойти, луна у неба
Позволения просит.
Так и я прошу: *позволь*
Говорить с тобою.

43

Возьми мое сердце, – раскрыто,
Коль хочешь убить его, – можешь,
Но так как ты в нем, в этом сердце, –
Убивши, умрешь и сама.

44

У ног твоих сердце мое,
И ты не поднимешь его!
О, горькое сердце мое,
Ни отдыха сердцу, ни сна!

45

Под окном твоим разрушь
Мостовую и взгляни,
Ты увидишь там следы
Моего коня;
А смети еще песок,
И увидишь ты следы,
Что оставил я.

46

Ты скажи мне, наконец,
Что ж, уйти мне иль остаться,

Ибо так я прямо таю,
Словно соль в воде.

47

Хоть бы стала ты змеею,
Хоть ушла бы прямо в море,
Хоть в песке бы ты зарылась,
А женюсь я на тебе.

48

Я убегая и ты убегаешь,
Кто упорнее, это увидим.
Я как солнце ищу тебя, где ты?
Ты как день от меня ускользаешь.

49

Я в глубочайшую пещеру,
Что в средоточьи океана,
Уйду, коль только не достигну
Того, о чем замыслил я.

50

От капли неустанной
Самый твердый камень мягче.
Я вздыхаю, но не в силах
Сердце я твое смягчить.

51

Моей владеть ты будешь жизнью,
Коль соответствовать сумеешь.
Но переменчива ты, знаю,
Ты женщина, в конце концов.

52

Я тебя полюблю, мой желанный,
Коль признанья твои не обманны;
Но коль ты непризнательным будешь,
Саван мне приготовь.

53

Это мой вкус – только с тем говорить,
Кто понимает, что я говорю,
Тех забывать, кто меня забывает,
Кто меня любит, – любить.

54

Чтобы тебя я полюбила,
Должна пять раз я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю,
Люблю, о, жизнь, тебя любить.

55

Коль я себя не понимаю,
Уж кто ж тогда меня поймет:
Что не люблю тебя, твержу я,
А по тебе схожу с ума.

56

Ну, скорей, иди, не бойся,
Ну, иди к моей родимой,
Нет тебе она не скажет, –
Сердце мне про то вещает.

57

Матери твоей сказал я,
А отцу сказать не смею,
Но коль матери известно,
И отец узнает тотчас.

58

Как родимой я сказала,
Мне она в ответ: «Увидим».
Недурной ответ. Сыграем
Свадебку с тобой.

59

До последней капли крови
Всю бы кровь тебе я отдал,

Чтобы только ты жила ей,
Говоря всегда мне: Да.

60

Хвала, на меня ты взглянула!
Хвала, на тебя я взглянул!
Хвала, ты меня полюбила!
Хвала, я тебя полюбил!

СЕТОВАНИЯ

1

Начал из каприза,
Продолжал как прихоть,
Закрепил в бессонном,
Кончил же тоской.
Это оттого-то
Страшны мне капризы
Более, чем смерть.

2

Любовь теснит меня
С такой упрямостью,
Что миллионы мне
Терзаний шлет.

3

Боль в груди у меня,
А враги говорят,
То не боль, а любовь,
Укрепляясь, растет.

4

Я думал, что любить
Не больше, как игрушка,
А вижу я, что тут
Проходишь через смерть.

5

Я думал, что, ежели любишь,
Совсем легко позабыть,
А этот заулок столь узок,
Что вошел – и не выйдешь назад.

6

Я был, как начал я любить,
Совсем-совсем мальчонкой,
Когда же я открыл глаза,
Я был в своей могиле.

7

На меня кто ни посмотрит,
Говорят: – Ахти, беда!
Ведь совсем еще мальчонка,
А попал в тюрьму любви.

8

Каждым утром, каждым утром
Розмарин я вопрошаю,
Излечима ль боль любви,
От любви я умираю.

9

Пошел я в поле,
Спросил фиалку,
Нам от любви,
Мол, есть лекарство?
Мне отвечала,
Что нет лекарства
И быть не может.

10

Святая Тереза в пещере
Надела, молясь, власяницу,
А мне-то пришлось, а мне-то
Надеть власяницу любви.

11

Белый-белый голубочек,
Весь, как облак, беленький,
Клюнул в грудь меня, родная,
Очень больно сделал мне.

12

У меня кинжальный шрамик,
Ранен девушкою я.
Никогда кинжалом не был
Я так больно поражен.

13

Я влюбился в воздух,
В воздух, в женский дух;
Женщина есть воздух,
В воздухе вишу.

14

Пой, жизнь моя, пой,
Пой и больше не плачь;
Если песни поются,
Веселятся сердца.

15

Должен с песней умереть,
Ибо с плачем я родился,
Счастье кончилось навеки
В этом мире для меня.

16

Кто поет, тот беду свою гонит,
А кто плачет, ее умножает;
Я пою, чтобы эти тоскишки
Не терзали меня.

17

Хоть видишь, что пою я,
Поет лишь рот;
А сердце дышит болью,

В нем боль растет.

18

Кто мое услышит пенье,
Тот подумает – я весел,
А неправда: я – как птица,
Что поет и умирает.

19

Не убивай, не убивай,
Дай мне пожить, дай мне пожить,
Дай мне пройти, дай мне пройти
Через боли в этом мире.

20

Сердце мое
Черно, как колонны
В храме Соломона.

21

В груди моей, в сердце
Как мельничный жернов:
Могу ли я сетовать,
Можешь ты видеть.

22

Сердце мое схватили
И в тюрьму его заключили,
И хоть нет за ним преступленья,
К смерти его присудили.

23

Печальное сетует сердце,
Печально его вопрошаю:
– Почему ты умерло, сердце? –
Говорит: – Потому, что любило.

24

Говорил тебе, сердце,
И опять повторяю:
Не стучись в эту дверь,
Здесь тебе не откроют.

25

Ах, я, бедный, ах, бедняжка,
Вздохи ветру отдаю,
У меня берет их ветер,
А никто их не собирает.

26

У ног моей матери
Родился я с плачем,
Возвещая те беды,
Что терплю я теперь.

27

Я посеял в дерне
Зерна чарованья,
Оросил слезами,
Да умрет рыданье.

28

Страдаю, плачу,
Терплю, вздыхая,
Люблю – и этим
Я все сказал.

29

Если б слезы, что роняю,
В камни обратились,
Я на море на соленом
Выстроил бы крепость.

30

В моей груди, внутри меня,
Две лестницы хрустальные,
Одной восходит боль моя,
Другой нисходит отдых мой.

31

Птицы в Аравии
Вечно живут,
Ибо не знают,
Что есть тоска.
Если бы ведали,
В мире бы не было
Птиц Аравийских.

32

Мысль моя
Словно дым:
Поднимаясь,
Тает.

33

Я ранен без крови,
Я мертвый без стали,
Тоскуя, живу я,
В тоске умираю.

34

Без жизни живу я,
Живя в этой жизни:
Живу – не живу я,
Живя, умираю.

35

Одна я, одна родилась,
Одну меня мать породила,
Одна я должна помереть.
Одиночество, будь же со мною.

36

Уж в окошко не гляжу я
В то, в которое глядела я,
А в окошко я гляжу,
Что выходит в одиночество.

37

– Чего поел ты,
Что так ты бледен?
– Поел я пепла
Огней любви.

38

Я не знаю, кто был я,
Я не знаю, чем был:
Я есмь образ печали,
Прислоненный к стене.

39

Смерти сказал я:
Дай свою руку,
Ибо по жизни
Устал я ходить.
Но смерть не приходит,
Когда ее кличешь, –
Боишься ее, так придет.

40

Смерть я воззвал и промолвил ей,
Чтобы пришла, унесла меня,
Смерть свой ответ возвестила мне:
Жди и терпи.

НЕНАВИСТЬ И ПРЕЗРЕНИЕ

1

Любить – любил, возненавидел,
Раз любишь, нет тут преступления:
Ведь я, когда возненавидел,
Был более чем ненавидим.

2

Не хочу, чтоб меня ты хотел,

И тебя не хочу я хотеть,
Но чтоб ты ненавидел меня,
И хочу ненавидеть тебя.

3

Вижу, меня ты не любишь,
Купил я себе не любви,
Славную сделал покупку,
Тотчас тебя невзлюбил.

4

Прочь с глаз моих,
Чтобы не видеть:
Ты мне противен,
Как смертный грех.

5

Как раньше тебя я любила,
Так мне ты теперь ненавистен,
Я в церкви тебя увидала, –
Обедни лишилась – ушла.

6

Башмачок я разорвала,
Чем бы мне его зашить?
Ах, отлично: острями,
Злых и лживых языков.

7

О, чтоб Бог меня услышал,
И чтоб камни возопили,
И чтоб ты узнал возмездье,
Как желаю я его!

8

Моего умоляю я Бога,
Да умрешь, как меня убиваешь, –
Да увижу моими глазами,
Что ты любишь, и ты нелюбим.

9

Да угодно Всевышнему будет,
Чтоб в тюрьме очутился ты темной,
И чтоб вся твоя, вся твоя пища
Через руки мои проходила!

10

Я тебе посылаю проклятье, –
Да свершится отныне неложно,
Чтобы денег имел ты с излишком,
Но чтоб вкуса тебе не хватало!

11

Успевай, уходи себе с Богом!
Ничего к тебе злого не кличу...
Да не знаешь ни часа покоя
До тех пор, как живешь в этом мире!

12

Сколько листьев в лесу многоствольном,
На горах, что стоят пред Гранадой,
Да умчит тебя дьяволов столько
В час, как вспомнишь меня!

13

Мать! Кто был причиной лютой
Злонесчастья моего,
Пусть утратит, миг за мигом,
Крылья сердца своего!

14

Чтоб в тебя угодили кинжалом,
И чтоб в Риме святейший отец
Излечить эту рану не мог!

15

Пусть тебя ранят кинжалом,
Сердце пронизуют твое;

То, что со мною ты сделал,
Да не простит тебе Бог!

16

Он да погибнет от кинжала,
Кто научил меня любить:
Владела чувствами своими, –
Утратила над ними власть.

17

Сердце мое, как ребенок,
Тебе показало хотенье,
Ты им пренебрег – уходи же,
И скорей да застрелят тебя!

18

Ты больна, говорят мне,
Бог тебя да поднимет...
От постели до гроба,
Чтобы в землю тебя!

19

Хоть я пою, как видишь ты,
Я бешенствую в пении,
Затем, что я, как женщина,
Бессильна отомстить.

20

Если твой язык иссохнет,
Замолчит в параличе,
Никого не обвиняй ты, –
То проклятия мои.

21

Я хотела бы быть василиском
На часы, на часы и минуты,
Убивала б, кого пожелаю,
Отдыхало бы тело мое.

22

Есть камни, и камень о камень
Стучится в теченьи реки,
Молись, чтоб тебе не столкнуться
Со мной на едином пути.

23

Сплю, мыслишь? Нет, бодрствую.
И раз попадешься мне,
Сильнее мы схватимся,
Чем Франция с Англией.

24

Я клянусь тебе, что где бы
Ты со мной ни повстречалась,
У тебя оплачен гроб.

25

Время просил я у времени,
И вот мне время ответило:
Случится, конечно, со временем
И время, и место, и все.

26

Тебя я любил – достоверно,
Тебя позабыл я – не ложь,
Затем, что цветы на деревьях
Не длятся всю жизнь.

27

Что тебя любила – правда,
Отрицаться было б глупо,
Но, хотя б сто лет ты прожил,
Для меня мертвец.

28

Говорят мне, меня ты не любишь,
Знает Бог, как мне радостно это:
По природе своей я послушна,

Только то, что ты любишь, люблю.

29

Если хочешь, чтоб сказал я,
В песне я тебе скажу:
Как любовь к нам приходила,
Так же точно и ушла.

30

Замок создал я из перьев,
Ветер вдруг его унес.
Я любовь к тебе лелеял,
Побыла и нет ее.

31

Не говори, что тебя я любил,
Не говори, что меня ты любила,
Лучше скажи – это был лишь каприз,
Так, у обоих причуда.

32

Тебя я когда-то
Любила, не знала,
На какую ты ногу хром,
Уловки твои были новы.
Теперь я тебя понимаю;
Поверь, ты не будешь находкой,
Что стала бы я ревновать.

33

Любить тебя было каприз,
Говорить с тобой было причуда,
А забыть тебя было услада,
Потому что тебя не любила.

34

Как мне весть передавали,
Что меня не любишь ты,
В море я не утопилась...
Холодна была вода.

35

Как мне весть передавали,
Что меня не любишь ты,
В нашем доме даже кот,
На меня смотря, смеялся.

36

Иди, тебя уж не люблю я,
Моя любовь совсем прошла;
Тебя я вымела из сердца,
И хорошо метла мела.

37

Иди, ступай, иль оставайся,
Мне все равно, любовь прошла;
Иди, воришка неразумный,
Теперь другую обмани.

38

Иди, уж тебя не люблю я,
Иди, ты мне больше не мил,
Иди, проводи свое лето,
Где зиму свою проводил.

39

Я любил одну неделю,
А другую не любил,
Потому что так хотелось.

40

От огня твоей свечи
Я уж больше не сгораю.
То, что было и прошло,
Это словно не бывало.

41

Что ни утро – я к обедне,

Чтобы в церкви помолиться,
Вознести благодаренья,
Что избавлен от тебя.

42

За то, что видел,
Благодаренье;
Будь, чьей желаешь,
Я – вовсе мой.
Освободился
Твоей свободой,
Кто был твой раб.

43

Соль имею, хоть немного,
Но запомни и заметь:
Соль свою я с теми трачу,
С кем угодно тратить мне.

44

Товарищ, товарищ,
С тобой не хочу я
Товарищем быть,
Хоть бы в Рай нам идти.

45

Ты дал мне гвоздику,
В ней алость горела,
Возьми же там пепел,
Ее я сожгла.

46

У меня ничего твоего,
А когда бы я что имела,
Я в огонь бы швырнула его,
Чтоб сгорело.

47

Мой милый, вот мой нрав, запомни:
Не помираю ни по ком, –

Коли приходишь, принимаю,
Коли уходишь, добрый путь.

48

Кто, ветку срезая,
Не трогает корень,
То знак, что он хочет
К ней снова вернуться.
Но я не такой:
Коль ветку срезаю,
И корень долой.

49

Свеча дымит и погасает,
Что было в ней гореть, сгорело,
Не говорю тебе – уйди,
Не говорю тебе – останься.

50

Что тебе за польза плакать
И кричать, как сумасшедший?
Я ведь женщина, ты знаешь,
Изменить тебе должна.

51

Говорил, меня любишь так сильно,
Из-за меня умираешь:
Умри, чтобы я увидала,
Тогда я скажу тебе: «Да».

52

Я влюбился ночью,
Солгала луна мне.
Если вновь влюблюсь,
Так уж днем, при солнце.

53

Белая, сказал ты,
Чтобы посмеяться.
Я смуглянка, щеголь,

Только не твоя.

54

Я тебя любил когда-то,
А уж больше не люблю,
Ибо встретил я голубку,
Чей возвышенной полет.

55

Говорят, что не любишь ты,
Что не любишь меня,
Если дверь запирается,
Сто дверей раскрываются.

56

Меня полюбил ты, меня позабыл ты,
И снова меня полюбил;
Когда башмаки я свои износила,
Я больше уж их не ношу.

57

Башмаки, что износила
И швырнула в грязь,
Если кто другой наденет, –
Что мне из того?

58

В улице этой живет,
Живет и жила,
Моего жениха невеста,
Моя супротивница.
А я-то смеюсь,
Что она подбирает
Остатки мои.

59

Если хочешь забыть ты меня,
Помести на балконе своем
Эту надпись, гласящую:
«Уж окончилось».

А напротив и я помещу
Эту надпись, гласящую:
«Вплоть до смерти».

60

Скажите тому молодцу,
Что стоит на углу и ждет, –
Что раз у него лихорадка,
Пусть хины он примет.

61

Уйди с угла,
Юнец, – ведь дождик,
И дай воде
Бежать, где нужно.

62

Иди и притязанья брось,
Заметь еще себе, что ты
Ничем особым не отмечен.

63

Не вносься так высоко,
Ты ведь здесь не королева,
Я без лестницы дерзаю
До тебя достать.

64

Слишком много изощрений,
Ты как будто наступил
На цветок, чье имя глупость.

65

С тех пор, как ваша милость
По улицам гуляет,
Совсем не продаются
Удилища нигде.

66

Невеста двадцати влюбленных,
Нейдущая ни с кем венчаться,
Коль королю себя ты прочишь –
В колоде карт четыре их.

67

Иди и скажи своей матери,
Чтоб тебя причесала она и умыла,
Чтобы снова тебя молочком покормила
И тебя бы женщиною быть научила.

68

Без цепей!
Дышу свободно,
Наслаждаюсь
Волей мысли.
Как доволен,
Что ушел я
Прочь от рабства!

69

Любил – терзался
И ревновал,
Из зол жестоких
Я изошел.
Теперь спокоен, –
Не воспылаю,
Не задрожу.

70

Когда-то любил я,
Любви больше нет,
Скажу тебе точно:
Доволен весьма.
Довольно любви мне,
Жить вольным хочу,
Довольно любви!

СЕРЕНАДА

1

Если б знал я, жизнь моя,
Что ты слушаешь меня,
Я бы пел, как соловей,
Вплоть до утренних лучей.

2

Слово песни – капля меда,
Что пролилась через край
Переполненного сердца.

3

Я иду вперед, как пленник,
Тень моя идет за мною,
Предо мною – мысль моя.

4

Из Мадрида я пришел
По шипам и по колючкам,
Чтоб тебя увидеть только,
Ты, очей моих гвоздика.

5

Предстань пред окном твоим,
Луна полноликая,
Звезда предрассветная,
Зеркальность моя.

6

Приблизься к этому окошку,
О, лик расцветного жасмина,
Тебе слагает серенаду,
Кто будет мужем для тебя.

7

В этой улице, сеньор,
Все вы петь должны звучнее,
Здесь цветет при входе – роза,

А при выходе – гвоздика.

8

Предстань же у окна,
И мы тебя увидим,
И светом глаз твоих
Закурим мы сигару.

9

С этими кудрями золотыми,
Вдоль лица упавшими вперед,
Кажешься ты башней золотою,
В церковь призывающей народ.

10

Едва увидал, полюбил,
Как поздно, мое наслажденье,
Тебя я хотел бы любить
От самой минуты рожденья.

11

Увидать, пожелать, полюбить,
Это все так случилось внезапно.
Я не знаю, что раньше пришло,
Полюбил ли тебя иль увидел.

12

Приблизься к этому окошку,
О, красота земли,
Увидишь тотчас ты, что солнце
Остановило бег.

13

Сердце мое и твое
Между собой совещались,
Было у них решено,
Что жить им в разлуке нельзя.

14

Счастье мира проходит,
Время и жизнь исчезают,
То, что всегда остается,
Это – любовь.

15

Не знаю, что такое,
Что в первой есть любви,
Так властно входит в душу,
А выйти ей нельзя.

16

Первая любовь –
Вплоть до самой смерти,
Все любви другие
Вспыхнут и умрут.

17

Под грудой пепла
Огонь сохранится,
Чем дольше разлука,
Тем тверже любовь.

18

Луна заскучала о солнце
За три часа до рассвета,
Так о тебе я скучаю,
Жизнь и блаженство мое.

19

Родилось святое Воскресенье,
На челе его горит звезда,
Со звездой родилась я, смуглянка,
Та звезда – любить тебя всегда.

20

Красавица нежно спала,
Во сне говорила:
– Где же мой милый? О, где?

Жизнь без него мне могила.
Проснись, наклонись же ко мне.
Ты видишь, о, мой повелитель,
Тебя я люблю – и во сне.

21

Если б луна не убывала,
Я бы сравнил ее с тобой,
Нет, я сравню тебя с солнцем.
С солнцем и с утренней звездой.

22

Сердце мое, летая,
В грудь к тебе залетело,
Вдруг утратило крылья,
И вот осталось внутри.
Ты люби его крепче,
Сердце мое уж не может
Теперь улететь от тебя.

23

Любовь моя к тебе
Как тень идет вперед,
Чем дальше от тебя,
Тем более растет.

24

Слава Богу, что пришел я
К этой нежной голубятне,
Здесь живет одна голубка,
Чьи – серебряные крылья.

25

Слава Богу, что пришел я,
Увидал любовь мою,
Слава Богу, что пропел я,
Слава Богу, что пою.

26

Я знаю, что ты в постели,

Но что сон к желанной нейдет,
И слушаешь ты: – В самом деле?
Мой милый? Он песню поет?

27

Просыпайся, просыпайся,
Пробудиться миг приспел:
Разве это справедливо,
Чтобы я для спящей пел?

28

Ты горишь звездой полярной,
Что ведет плывущих в море,
С той поры, как ночь наступит,
До того, как день настанет.

29

Если в Ад пойдешь ты,
Я пойду с тобой,
Если ты со мною,
Всюду Рай со мной.

30

Приблизился месяц к заходу,
От кровель спускаются тени.
О, как мне расстаться с блаженством
Гвоздик позлащенных твоих!

31

Прощаются двое влюбленных
Под тенью зеленой оливы,
И горько прощанье влюбленных,
Как горечь зеленой оливы.

32

Я быть без тебя не могу,
Я жить не могу не любя,
И жизнь я утрачу свою,
Когда я уйду от тебя.

33

Я видел, как жил человек,
Имевший сто шрамов кинжальных,
Я видел, как умер он вдруг
От силы единого взгляда.

34

Говорят, ты уходишь, уходишь,
Говорят, ты уходишь, мой милый,
Если пить ты захочешь в разлуке,
Не касайся до влаги забвенья.

35

Я с твоей прощаюсь дверью,
Словно солнце со стенами:
Солнце вечером уходит,
Чтобы утром вновь прийти.

36

Прощай, серафим бессмертный,
Прощай, серафим прекрасный,
Я уйду с надеждой
Снова увидеть тебя.

37

Пусть Бог пребывает с тобою,
Пусть небо тебя охраняет,
Звезда пусть тобой руководит,
И ангел тебя провожает.

38

Прощай, волшебница души,
Прощай, восторг существования,
Прощай, полярный свет любви,
Прощай, о, море упования!

39

Хоть уйду, не уйду я,

Хоть уйду, не отлучаюсь,
Хоть уйду своею песней,
Не уйду своей мечтой.

40

Прощай, возлюбленное сердце,
Прощай, победа красоты,
Прощай, жасмин, прощай, гвоздика,
Прощайте, светлые черты.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1

Засыпает роза,
Вся в росе блестя.
Наступает вечер,
Спи, мое дитя.

2

Спи, мое дитячко малое,
Нежу я детку мою,
Вот колыбель закачалась,
Баюшки-баю-баю.

3

Пред дверью, что в Рай ведет,
Продают башмачоночки,
Для маленьких ангелов,
Которые босы.

4

– Вы, птички-щеглятки,
Чего вы поели?
– А супцу из миски,
Водички из речки.

5

На деток, что дремлют,
Бог ласково смотрит,
Недремлющей матери
Бог помогает.

6

Ты усни, мое дитяtko,
Спи же, сердце мое,
С нами Дева Пречистая,
С нами Божье Дитя.

7

Ты усни, мое дитяtko,
Ты усни, мое счастьеце,
А то Дева Скорбящая
С неба видит тебя.

8

Ребенку мать «Усни» твердит,
Ребенок на нее глядит,
В одном его глазке: «Кись! кись!»
В другом его глазенке: «Брысь!»

9

Спи, дитяtko, ну, задремли же,
А то к нам придет домовой,
Тех деток, что спят неохотно,
К себе он уносит домой.

10

Больненьким видеть тебя
Сердце мое разрывает,
Плачу, когда я пою,
Голос в груди погасает.

11

Я тебя ласкаю,
На руки беру.
Что с тобою будет,
Если я умру?

12

– Баю-бай, мое дитяtko,
Баю-бай, засыпай.
– В колыбельке, родимая,
Ты меня укачай.

13

– Баю-бай, баю-баю,
Баю-бай тебе пою.
– Колыбель, родная, рай,
Колыбель мою качай.

14

Не бойся, малютка,
Спи, детка моя,
Пусть воют собаки,
Пусть ветры свистят.

15

Спи, дитя ненаглядное,
Жизнь моя, засыпай,
У твоей колыбелечки!
Мать родная не спит.

16

Все, что малюсенько,
Очень мне нравится,
Даже гримасочки,
Если в полчетверти.

17

Сердчишко мое,
Не плачь и не бейся,
Я с вестью любви, –
Засмейся, засмейся.

18

Усни, дитя, усни, дитя,
А то придет цыганка,
И глянет к нам, и спросит там:
Кто плачет спозаранка?

19

Спи, дитяtko родное,
Спи, деточка. Уснула
С открытыми глазами,
Как боязливый зайчик.

20

Не выходи ты замуж,
Останься вечно деткой,
А то на щечках розы
От поцелуев вянут.

21

Спи, малютка, задремли же,
И не плачь здесь в долгу ночь,
А не то все ангелочки
Удалятся прочь.

22

Усни, мое дитяtko, спи же,
Не плачь и усни же, я тут,
А то к нам придут ангелочки
И в небо тебя унесут.

23

– Мой мальчик, мой милый,
Ты умер, замкнулся.
– Не плачь, моя матушка,
Смотри, я проснулся.

24

Не плачь, моя детка,
Что вянут цветочки,
Есть новая ветка,
И снова цветочки.

25

Баю-баюшки-баю,
Потеряла жизнь мою.
Баю-баю-баю-бай,
Снова в жизни светит рай.

26

Эа-ля-эа,
Эа-ля-эа!
В сон твой да смотрится
Святой Иоанн.

27

Мое дитя ко сну отходит,
Да спит и радуется меня,
Как у святого Иоанна
Пусть длится сон его три дня.

28

Эа-ля-нана,
Эа-ля-нана!
Звездочка утра,
Спи, еще рано.

29

Эа-ля-ро-ро,
Эа-ля-ро-ро!
Спи. Просыпаться нам
Еще не скоро.

30

Нет у этого малютки,
Нет у матери родимой,
Родила его цыганка
И подкинула его.

31

Спи, мое дитяtko, спи,
Нет твоей матери дома.
Пречистая Дева Мария
Взяла ее в дом свой служить.

32

Спи, моя деточка,
Ты, незаметная,
Спи, моя звездочка,
Спи, предрассветная.

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПРИЗНАНИЯ

К песне 2-й. – Образ глаз-солнц часто повторяется как в Испанской поэзии, так и в Индийской, с которой поэзия Испанская являет часто поразительное сходство, – надо думать, ввиду повышенной страстности того и другого народа.

К песне 8-й. – В Испании доселе не редкость пение песен под балконом, с аккомпанементом гитары. Песни при этом и припоминаются и, вызываемые теми или иными обстоятельствами, рождаются новые, внезапно.

К песне 9-й. – Северянину несколько странно слышать, как мужчина говорит, что его более не веселят ни розы, ни жасмины. Для этого нужно любить цветы так, как их любят в Испании или Мексике. В Испании вы постоянно можете видеть, как возчик, лежащий на телеге, нагруженной чем-нибудь совсем не стихотворным, мурлычет песню, а во рту его стебель цветка, красная головка которого нарядно покачивается.

К песне 11-й. – Шутливая форма многих Испанских песен, указывающая на южную грацию и тонкость ощущения, совсем не указывает на шуточность чувств. В Испанском нраве много тигриного, кошачьего. И Испанцы любят играть мягкими лапками, в которых спрятаны когти. Любят танцевать – вокруг костра и над срывом.

К песне 13-й. – Это напоминает известную песенку Генриха Гейне, в «Buch der Lieder». Поэзия Гейне, вообще очень близкая к народной поэзии, особенно родственна с Испанскими народными песнями.

К песне 14-й. – Эта песенка, сколько мог заметить, особенно знаменита среди Испанцев. Им молчать, когда они любят, труднее, чем Норвежцу или Англичанину.

К песне 26-й. – В своей поэме «Эпипсихидион» Шелли, обращаясь к Эмили Вивиани, говорит (Шелли, т. 3-й):

О, если бы мы были близнецами!

И далее:

...Хочу тобой дышать.
Ты слишком поздно стала мной любима,

Я слишком скоро начал обожать
Тебя, мой кормчий, призрак серафима...
Тебя я должен был бы на земле
Сопровождать от самого рожденья,
Как тень дрожать, склоняясь и любя,
Гореть тобой и жить как отраженье.
Не как теперь: – О, я люблю тебя!

К песне 27-й. – Воспоминание о встрече душ, бывшей до встречи тел, до встречи двух душ, вот в этих двух телах, состояние хорошо известное каждому, кто воистину любил.

К песне 28-й. – Вечная легенда Эроса и Психеи.

К песне 33-й. – Есть такая разнопевность:

Говорят, что черное есть траур,
Говорят, что алое – веселье,
Нарядись в зеленое, малютка,
Будешь ты надеждою моей.

В «Romancero General» – нечто вроде наших исторических былин – читаем, между прочим, описание ревнующего кабальеро (2-а ed. I, ns. 46, 49).

Шесть его сопровождают
Слуг, что служат господину,
Все в зеленое одеты:
Цвет надежды при любви.
На копье, с железкой рядом,
Голубую мчит он ленту:
Это – ревность, тех, кто любит.
Заставляет прегрешать.

Испанский народ сохраняет в песнях эту символику. Пример тому – следующие *coplas*.

Уж давно, как зеленое
Мне дает беспокойство,
Ибо все мои чаянья
Обернулись в лазурные.

Говорят, что меня ты не любишь,
Мне мало до этого дела,
Одеваюсь завтра я в траур
Из белой тафты.

Сколь многие с надеждой
Превесело живут!
Ослов на свете сколько
Зеленое едят!

Знаменитый Гóngора, Испанский утонченник старинных времен, писавший за 300 лет до нынешних «декадентов», также любил символику красок.

Цветочки розмарина,
Малютка Исабель,
Сегодня голубые,
А завтра будут мед.
Ревнуешь ты, малютка...

У разных народов символика красок разная. В то время, как Испанцы связывают ревность с голубым цветом, Отелло погибает мучимый зеленоглазым чудовищем ревности. Бретонцы полагают, что голубой цвет неба есть цвет времени. Древние Майи считали голубой цвет символом святости и целомудрия, а отсюда – счастья, как освобождения от пут вещества. В Египте и в Индии голубой – это цвет богов. Вишну на своем семиглавом змее – голубой. В Египте, в Майе и в Халдее голубой цвет связывался со смертью и употреблялся при похоронах, как это доселе в Бухаре. Желтый – в Китае и в Майе – принадлежность царской фамилии, красный – благородных. Великий Египетский сфинкс был окрашен в красный цвет. Римские солдаты выкрашивали свое тело в красное – в знак победительной храбрости. У многих народов красный есть цвет жизни и страсти.

Символика и тайный смысл цветов очень интересная и мало разработанная область. Влияние каждого отдельного цвета на возникновение отдельных, совершенно определенных, душевных состояний есть факт несомненный. Но психология красок различествует весьма, когда мы имеем дело с особо впечатлительными художественными натурами. Я лично могу сказать про себя, что ярко-красный цвет и золотисто-желтый вызывают во мне ликующую радость жизни, причем алый цвет тревожит, а золотистый умиротворяет в волнении. Зеленый цвет доставляет тихую радость, счастье длительное. Голубой – вызывает уходящую мечтательность. Темно-синий подавляет. Лиловый производит гнетущее впечатление, и даже светло-лиловый – связан с чем-то зловещим. Белый и черный цвет, отрицаемые, как таковые, но признаваемые глазом, при всем своем различии производят однородное впечатление – изысканной красоты, благородства и стройности. Я сказал бы, что черный и белый цвет, два эти предельные цвета, по их действию на меня, так же похожи и так же различны, как черный лебедь и белый лебедь. Их одежда различна, а душа одна.

В своей поэме «Фата-Моргана» («Литургия Красоты») я попытался свести в художественное целое свои ощущения от различных красок. Дальнейшую попытку в этом направлении, очень интересную, сделал, в будущем весьма крупный, но и теперь уже несомненный, поэт, Сергей Городецкий в поэме «Радуга» («Дикая Воля»).

Настанет время – и оно не так далеко – когда жизнь наша, в больших, в великих городах, так же, как среди природы, построенная на принципе художественной гармонии, каждому цвету даст определенное место и точно выработанные соотношения, и мы будем играть красками с той же уверенностью и с теми же великими последствиями, как теперь мы играем электричеством и паром.

К песне 34-й. – Есть разнопевность:

Протянись ко мне, голубка,
Да войду в твоё гнездо.
Ты одна, мне рассказали,
Я хочу с тобой побыть.

Этот мотив повторяется различно.

– Птичка неба, расскажи мне,

Где твое гнездо?
– А оно в сосне зеленой,
Скрытно меж ветвей.

Подобная же Португальская песня звучит с угрожающей иронией (Theophilo Braga, *Cancioneiro e romanceiro geral portuguez*, Porto, 1867, II, 75, 1):

Помираешь, чтоб разведать,
Где постель моя. Но, слушай,
На побережьи, над рекою,
Там, где шпажная трава.

К песне 35-й. – Разнопевность:

Видит Бог, что тебе бы я отдал,
За смуглый твой цвет золотистый,
Глаза мои, ясные очи,
Хотя бы остался слепым.

К песне 36-й. – Тот же мотив в Итальянской песне (Тоскана) (Giuseppe Tigri, *Canti popolari toscani*, Firenze. 1869, п. 337).

В двоих я, в двух юношей я влюблена,
К кому прилепиться, никак не пойму я:
Поменьше – красивый, в нем чара нежна,
Того, кто побольше, терять не хочу я.
Тому, что поменьше, я жизнь отдала,
Тому, что поболее, пальму в расцвете.
К тому, что поменьше, душа вся ушла,
К тому, что поболее, пальма вся в цвете.
Тому, кто поменьше, все сердце, весь свет,
Тому, кто побольше, фиалок букет.

К песне 37-й. – Разнопевность:

Полно, купидончик,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Знала я любовь.
Полно, купидончик,
Зря шутить со мною,
Если не люблю я,
Верно, полюблю.

К песне 39-й. – Португальская песня (Braga, II, 112, 1):

Лишь одно твое словечко
Есть судьбы моей решение:
Скажешь: да, даешь мне жизнь,
Скажешь: нет, и смерть мне в этом.

К песне 41-й. – Разнопевность:

Я зовусь – *коль есть здесь место,*
Родственник – *когда есть случай,*
Брат двоюродный – *коль можешь,*
Ждущий *да* или же *нет.*

К песне 42-й. – Разнопевность:

Луна, чтобы выйти на волю,
Позволения просит у неба,
И я, чтоб с тобой говорить,
Прошу позволенья смиренно.

К песне 43-й. – Португальская песня (Braga, II, 116, 5):

Вот возьми, пред тобой мое сердце,
Если хочешь убить его, можешь,
Но заметь, что внутри – это ты здесь,
Коль убьешь его, также умрешь.

К песне 44-й. – Разнопевность:

У ног твоих сердце мое,
Возьми, чтоб восстал я, взнесенный!
Взгляни, не люблю ли тебя,
У ног я твоих, побежденный!

К песне 45-й. – Разнопевность:

Вырву камни в улице твоей,
Всю ее сплошным песком покрою,
Чтобы все я видеть мог следы,
Тех, кто ходит под твою решетку.

К песне 46-й. – Итальянская песня (Сицилия) (Giuseppe Pitre, *Canti popolari siciliani*, Palermo, 189, I, n. 136):

Или *да* мне скажи,
Или *нет* мне скажи,
Не могу же я быть
На полях без межи.

Требуя определенного ответа, влюбленный, взамен, может предложить нечто определенное – и он не скупится. Как восклицает Испанский поэт Беккер:

За взгляд один я мир бы отдал,
За луч улыбки все бы небо,
За поцелуй... О, я не знаю,
Что дал бы я за поцелуй!

Португальская же песня говорит (Braga, II, 83, 7):

За один твой нежный взгляд
Дал бы жизни половину,
За улыбку дал бы жизнь,
За поцелуй я дал бы вечность.

К песне 47-й. – Разнопевность:

Хоть бы стала ты змеею
И скользнула в бездны моря,
За тобой я, за тобою,
Что замыслил, то свершу.

К песне 48-й. – Португальская песня (Braga, II, 71, 2):

Я влюбленный, влюбленная ты,
Кто из нас будет более твердый?
Я как солнце гонюсь за тобой,
Ты как тень от меня убегаешь.

К песне 50-й. – Все, конечно, помнят Латинский стих:

Gutta cavat lapidem, non vi, sed saepe cadendo.
Капля камень долбит, не силой, но частым паденьем.

Есть Португальская песня (Braga, II, 17, 7):

Нет, нет, говоришь ты, не будет,
Любить никогда я не стану.
Вода упадет на камень
Так долго, что камень смягчит.

К песне 51-й. – Всечеловеческое или, вернее, всемужчинское заблуждение, что женщина и непостоянство суть одно. Мужчины много более заслуживают рекриминаций. – В старинных *romances* мысль о неверности женщины часто повторяется (Duran, *Romancero general*, I, ns. 22, 50):

Отлучка моя будет краткой,
Да не будет такой твоя твердость:
Постарайся, хоть женщина ты,
Быть на всех других непохожей.

Слову женщины не верить,
Слово женское – пушинка,
В быстром ветре пух летящий
Или надпись на воде.

Другие *romances* более вежливы (*ib.*, 25):

Справедливо ты промолвил –
Низки женщины. Однако
И весьма они различны,

Как солдаты под ружьем.

И еще:

Все дурные – невозможность,
Все хорошие – нельзя.
Травы есть, что жизнь даруют,
Травы есть, в которых смерть.

К песне 54-й. – Разнопевность:

Чтобы тебя я полюбила,
Должна семь раз я повторить:
Люблю, люблю, люблю, люблю я,
Люблю любить, тебя любить.

НЕНАВИСТЬ И ПРЕЗРЕНИЕ

К песне 5-й. – Испанки очень любят ходить к обедне. Так что уйти из церкви, когда там можно было бы еще быть, для Испанки действительное лишение.

К песне 8-й. – Португальская песня (Braga, II, 93, 7):

Обманщик, да позволит Небо,
Чтоб заплатил ты за обман,
И чтоб тебе, когда полюбишь,
Любовь была бы не верна.

И еще:

Неблагодарный, да свершится.
Что ты за это зло заплатишь,
Чтоб тот, кому ты очень верен,
Тебе бы очень изменил.

К песне 9-й. – Во всех тех песнях, где выражается ненависть и презрение возненавидевшей женщины, гораздо более тонкости, остроумия, находчивости и настоящей змеиной злости, нежели в словах мужчины, которые почти всегда элементарны и, во всяком случае, являют мало изобретательности. Можно подумать, что, побыв вместе с мужчиной, женщина не только научается мужским, по-мужски твердым, мыслям, но и вовсе похищает его мужской ум, и, отточив свою нежность, превращает ее в острие ненависти.

К песне 51-й. – Разнопевность:

То и дело все твердишь мне –
Умираю, умираю.
А умри, тогда увидим,
И тогда скажу я: да.

К песне 66-й. – Разнопевность:

Ах, Мария, не по вкусу
Ни один тебе мужчина!
Короля, быть может, хочешь?
Их в колоде карт четыре.

Франсиско Родригес Марин, которому нельзя не верить, говорит об Испанских песнях ненависти и презрения (*Cantos Populares Espanoles*, t. III, p. 283), что значительное число песен, выражающих ненависть, суть порождения расы Гитан, особенно те, в которых изобличается душа низкая и мысль трусливая и предательская. Он обращает внимание на то, что число *coplas de odio* (песен ненависти) незначительно в сравнении с песнями, посвященными другим чувствам. Объяснение этому дается одной народной Испанской песней:

Кто воистину любит, забывает тот поздно,
И хотя бы забыл, не начнет ненавидеть;
И увидевши то, что любил он любовью,
Снова любит, едва лишь к нему обратится.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Ни у одного Европейского народа нет таких изящных и нежных, тонко-воздушных колыбельных песенок, как у Испанцев. Странно думать, что именно в Испанском национальном темпераменте, – в его историческом прошлом, – так много жестокого и темного. Как истинно-страстные люди, Испанцы во всем доходят до крайности и предельности, и если чрезвычайно жестоки их завоевательные набеги, исключительно-нежны кроткие состояния Испанской души. Нужно еще заметить, что ни один, кажется, народ в Европе не испытывает такой нежной любви к детям, как именно Испанцы. Ни в одной стране, во время многочисленных моих путешествий, я не видал, чтобы взрослые, не только женщины, но и мужчины, выказывали такую заботливость и ласковость к детям. Грубой же сцены с детьми я не видел в Испании ни разу, хотя изъездил Испанию из конца в конец и бывал в ней многократно.

Припевы «Эа-ля-эа», «Эа-ля-ро-ро», «Эа-ля-нана» играют в Испанской колыбельной напевности ту же роль, как у нас припев «Баюшки-баю», «Баю-бай», «Баю-баю».

Песенки 26-я и 27-я нуждаются в пояснении. Испанское предание гласит, что святой Иоанн Креститель весьма любит небесные шумы. День его, 24 июня, праздновался шумными торжествами, на это указывают громовые раскаты, обычно совпадающие с данным временем. Во избежание подобной сумятицы, Господь заставляет его спать три дня без перерыва, считая с кануна Иванова дня. И святой не может таким образом праздновать свой день, ибо, когда просыпается, он уже прошел. В области Бадахоса есть соответствующая поговорка:

Когда бы святой Иоанн
Праздник свой знал,
Тогда бы, в весельи, святой Иоанн
По всем небесам громыхал.

Или еще:

Тогда бы он небо с землей
Сочетал в напев громовой.

В некоторых Андалузских селениях его называют беспокойным.

Иванов день и Иванова ночь во всех Европейских странах связаны с целым рядом примет и обычаев. Русские говорят, что на Иванов день солнце на востоке играет. Сербь говорят: на Иванов день солнце на небе трижды останавливается. См. интересную книгу – А. Ермолов. *Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1. Всенародный Месяцеслов. С.-Петербург. 1901 года.*

В пятом томе своего собрания *Испанских Народных Песен* Марин приводит, в примечаниях, интересную литургическую драму, столь же нежную, сколь краткую.

МАВРИТАНСКИЙ ЦАРЬ И ХРИСТИАНКА

1

(У Мавританского царя была пленница, которая пела, куда спал ее ребенок):

1-й голос.

Когда деткой была я,
В лугах я гуляла,
За мотыльками
По лугам убегала.
Когда деткой была я,
В лугах я блуждала,
За мотыльками,
Как они, я летала.
В луг я ушла,
По траве я пошла,
Розы там сея.
Шипы собрала.
Эа! эа! эа!
Не так уж дурна я лицом.
А если дурна я, скажу, не робей:
Так да будет, и дело с концом.
Эа! пою я, усталая.
Если дурна я, какое же дело вам в том?
Сон тебя, деточка, сон подкрепи.
Спи, мое дитятко малое,
Спи.

(Царь, который слушал, отвечает):

2-й голос.

Люблю тебя, детка моя,
Люблю тебя, спи.

Больше люблю, чем цветочки, что ветер
Колыбелит весной на степи.
Больше, чем звоны ручья,
Что поет: «Торопи же себя, торопи».
Я люблю тебя, детка моя,
Спи.
И меня полюби.
Как цветочки, тебя я люблю,
Прошепчи мне сквозь сон: «Вот я сплю».
Сон тебя, сон подкрепи,
Деточка, спи.
Как ручей, тебя я люблю.

1-й голос.

Я назарейнка,
Была назарейнка.
Раз назарейнка,
Не для тебя я.
У Девы Пречистой,
У Девы Лучистой
Так дремало Дитя засыпая.
И Дева, вздыхая,
И Дева Святая,
Дремала она, засыпая.
На горе на Голгофской
Были ветви оливы.
Были птички среди ветвей.
Кровь Христа утишали,
И в ветвях распевали
Четыре щегленка и один соловей.

2

1-й голос.

Ты белая голубка,
Ты белая как снег,
Сядь у реки и испей.

2-й голос.

У меня сизые крылья,
Крылья как ирисы,
Темные в лазурности своей.

1-й голос.

Белая голубка,
Иди со мной.
Крыло у тебя ранено

Острою стрелой.
Белая голубка,
Иди со мной.

2-й голос.

Не крыло мое ранено,
А душа пронзена,
Оттого эта алая
Кровь здесь видна.

1-й голос.

У тебя сизые крылья,
Крылья как ирисы,
Белая голубка,
Иди со мной.

2-й голос.

Я одна-одинешенька,
Я одна здесь пою,
Без дружка, без любви я,
И в чужом я краю.
Я одна-одинешенька,
Я одна здесь пою.

1-й голос.

Замолчи, о, голубка,
Я плачу с тобой.
Ты ранишь мне сердце
Своею мольбой.
Я дам тебе крылья,
Чтоб ты легкой была,
Чтоб на вольную волю
Улететь ты могла.

«Испанские Колыбельные Песни», «Nanas ó coplas de cuna», родственны по тону с «Детскими Песенками», «Rimas Infantiles». Эти детские песенки связаны с различными детскими играми, подобными нашим играм в прятки, в жгут, в чет и нечет, в горелки. Привожу некоторые.

1

Кто дает, кто дает,
Прямо в рай пойдет.
Кто дает и вновь отнимет,
Ад его охотно примет.

2

Поцелуйчик, раз.
Поцелуйчик, два.
Поцелуйчик, три.
Поцелуйчик, где?

3

Мотылек, мотылек,
Словно розовый цветок,
Ты на свечке и готов.
Сколько стало мотыльков?

4

Бабочка крылатая,
Быстро-тароватая,
На свечку попала.
Сколько бабочек стало?

5

Мотылечек, мотылек,
Роза с головы до ног,
Был крылат и был ты смел,
Вот на свечку налетел.
– Мотылечек здесь? – Я здесь.
– Ишь ты, как наряден весь.
– Рубашонок сшил? – А вот.
– Ну, теперь начнем мы счет.
Сколько сшил? – Всего одну.
– Это значит на луну.
– Целых две. – Для солнца. – Три.
– Ну, сочти их – и бери.

6

– Сестрица лягушка!
– Что надо, подружка?
– Где муж твой из вод?
– Явился и ждет.
– Наряден ли он?
– Как свежий лимон.
– К обедне пойдем?
– Не знаю я, в чем.
– Пойдем под конец.

– Замкнулся ларец.
– Так пить! Где вода?
– Жбан скрылся. Беда!

7

Золото.
Серебро.
Медь.
Ничего.

Из колыбельных песен других Европейских народов особенно нежностью отличаются Финские колыбельные песни (одну из них читатель найдет в моей «Литургии Красоты») и Польские «Колысанки». Привожу несколько польских баюканий («Pieśni Ludu». Zebrał Zygmunt Gloger. W latach. 1861–1891. W Krakowie. 1892).

1

Люляй, ой люляй,
Спрячь черные очи,
А очи закроешь,
Спи до полночи.

2

Колыбелька, качайся
От стены до стены.
Спи, мой розовый цветик,
Спи, так розовы сны.

3

Не пой, петушок, ты не пой,
Марысю мою не буди,
Малая ночка была,
Мало Марыся спала.

4

Скотинка, далечко
Не отходи,
Ведь я не пастушка,
Я малая детка.

В народных колыбельных песнях особенно трогательна та, повторяющаяся у разных народов, черта, что, напевая убаюкивающую песенку ребенку, взрослый поющий превращается сам в дитя. И кажется, что это где-то в мировом пространстве затерянная душа, одна-одинокая, беспомощная, незащищенная, обращающаяся с полусонной мольбой к Неведомой Силе. И словно слышен полувнятный стон: «А слышат ли меня?» Как колыбель похожа на гроб, так в колыбельных песнях есть всегда запредельная смертная грусть. Да ведь и сон похож на смерть, и что же есть смерть как не сон, через который мы пробуждаемся в настоящую действительность?

Из всех колыбельных песен, которые, на каком-либо языке, мне приходилось читать или слышать, мне кажутся наиболее совершенными и бессмертными по своей озаренности две – одна Испанская и одна Русская.

Они обе красивы, как цветок, обрызганный росой. Испанская:

Спи, мое дитяtko, спи,
Нет твоей матери дома,
Пречистая Дева Мария
Взяла ее в дом свой служить.

И Русская «Бог тебя дал, Христос даровал». Воспроизвожу ее из книги *П. В. Шейна, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. Спб. 1898.*

Бог тебя дал,
Христос даровал,
Пресвятая Похвала
В окошечко подала,
В окошечко подала,
Иваном назвала:
Нате-тко,
Да примите-тко.
Уж вы, нянюшки,
Уж вы, мамушки,
Водитесь,
Не ленитесь.
Старые старушки,
Укачивайте.
Красные девицы,
Убаюкивайте.
Спи-се с Богом,
Со Христом.
Спи со Христом,
Со ангелом.
Спи, дитя, до утра,
До солнышка.
Будет пора,
Мы разбудим тебя.
Сон ходит по лавке,
Дремота по избе.
Сон-то говорит:
«Я спать хочу».
Дремота говорит:
«Я дремати хочу».

По полу, по лавочкам
Похаживают,
Ванюшке в зыбочку
Заглядывают,
Заглядывают –
Спать укладывают.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 4.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>